

6. Keohane, R. O. Transgovernmental Relations and International Organizations / R. O. Keohane, J. S. Nye // World Politics. – 1974. – Vol. 27. – P. 39–62.

7. Nye, J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power / J. Nye. – N. Y. : Basic Books, 1991. – 336 p.

8. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye. – N. Y. : Public Affairs Group, 2004. – 192 p.

КУЛЬТУРА: БЕЗНАЧАЛЬНОКОНЕЧНАЯ ДОРОГА К ХРАМУ

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор кафедры менеджмента
социокультурной деятельности Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Зачем нужна та дорога, если она не ведет к храму.
Т. Абуладзе «Покаяние»

При всех индивидуальных различиях люди имеют одну общую «странность» – выделять неким феноменальным образом места особой значимости, способные быть единственными в своем роде. Они напоминают (имитируют) космогонические деяния богов, и знаменуют создание мира, зарождение культуры. Вначале же было обыденное знакомство, то есть включение этих мест в сферу знания, локализация их на когнитивной карте. Однако знакомые места – лишь самый верхний (тонкий) «слой» связанных между собой впечатлений.

Постепенно в миропредставлении кристаллизуются понятия «лучшее», «праведное», «должное», «достойное», «похвальное» и, наконец, «священное» место. В своей иерархии они составляют иератическую структуру мира, став в силу своего феноменологического совершенства центрами притяжения человеческих помыслов (чаяний) и паломников, местами схождения путей воображаемых – символических и очевидных – осязаемых. И все они выражали одно и то же стремление человека – жить в «божественном мире», в умиротворяющем, чисто-светлом порядке, каким он был изначально, когда только

что вышел из рук Создателя. Иными словами, жить и творить в гармонии с миром и природой в его человеко-вселенской соборности.

Значит, каждая постройка, даже элемент природы (роща, лес, поляна) могут стать своего рода храмом, если им удастся вызвать чувство соборности, одарить человека видением себя в «облагороженном облике», в одухотворенной среде. А их, прежде всего, формируют нравы и мировоззрения конкретной эпохи или то, что мы сейчас называем идейностью, менталитетом, картиной мира.

В результате и образуется иератическая структура мира со своими опорными «узлами». В христианском мире это епископские и патриаршие резиденции, главные соборы, которым подчинены все остальные церкви, епархии, монастыри – своего рода «ответвления». Они в свою очередь дают «побеги», распространяются во все стороны кладбищами, часовнями, местными приходами, придорожными крестами.

Каждая культура, религия, идеология организуют свою иератическую структуру, где роль храмов могут выполнять трон, суд, трибунал, театр, «эти монументы общности и своего рода геодезические сигнализаторы порядка», проявляющиеся в иерархической «сцепке» [1, с. 48]. Любая из этих отдельных структур формирует в пространстве-времени «землю обетованную» для конкретного сообщества людей, находящих для нее специфическую знаково-символическую интерпретацию, вербальное и зодческое воплощение. Все вместе эти структуры, пусть даже и не бесконфликтно, территориально и исторически накладываясь друг на друга, дают в итоге общечеловеческий «храмовый комплекс». Его незыблемость олицетворяет неколебимый храм, делая зримым незримое воздушное пространство, выпуская наружу *космогоническое начало*. Да так, что он сам и его округа не теряются в неопределенности очертаний [5, с. 282]. Ибо здесь сама природа словно служит обиталищем богов. Камни, деревья и сами по себе священные здания становятся образами божеств, их домами. А образ сей одновременно и сближает человека с божествами, и сохраняет принципиальную дистанцию между ними, инаковость *метафизического пути* к ним.

Если путь к дому имманентно возвратный, признающий, что былое не только имеет право на жизнь, но и заслуживает всяческого уважения, то дорога к Храму – восходящая, ведущая к дальнейшему совершенствованию. Это продвижение от искусов, заблуждений, перипетий и коллизий, заблуждений и ошибок к искуплению и приобщению к более достойным вершинам ментального тела, или духа. Фактически она символизирует духовную борьбу – преодоление, процесс сомнений и исканий.

Дорога к Храму ищет «горнего» уединения, «чтобы самое восхождение во храм принесло с собой большое чувство благоговения и величия» (Палладио, IV.I). Пьер Тейяр де Шарден [4], разделяя взгляд Палладио, развивает его далее – чтобы «за храмом» величествовали только безбрежные просторы, мистическая и все вмещающая Вселенная. Чтобы в нем были собраны некой таинственной силой в единое бесконечное близкое и бесконечное далекое начала. К этому «собору» человек должен идти (следовать) не сворачивая. Однако жизнь у каждого неповторима и возможные неизбежные «отклонения» зачастую не подвластны прагматическому рассудку, предпочитающему обойти «гору».

Понятия «*восхождение на гору*» и «*продвижение к Храму*» в древние времена имели общее смысловое назначение – поиск *восходящего и возвышающего* пути.

К. Туровский гору называл монастырем, в котором есть *духовное оружие против дьявола, то есть пост, молитва, слезы воздержания, чистота, любовь, смирение, покорность, трудолюбие, песнопение.*

По мнению Д. Судзуки, дорога к Храму – самая длинная: длительное путешествие увеличивает святость человека, когда оно становится «слишком легким и удобным, его духовное значение теряется» [3, с. 407]. По сути, это бесконечный путь.

Человек не ищет легких путей к своему храму, не стремится «входить в него сразу и грубо» [2, с. 11]. В некотором смысле мы боимся встречи с ним, как всякого абсолютного конца, мертвящей завершенности, за которой провал, катастрофа, бездыханная пустота.

Храм – феномен личностного сопереживания в сфере «коллективного бессознательного». Он является отражением духовной сплоченности людей. Возникновение этого священного места – плод совместного ритуального действия, выходящего за рамки обыденного поведения и придающего сверхъестественность своему творению. Все ритуалы-обряды восходят в конечном счете к первичному опыту освящения пространства-времени [6, с. 43].

Мы до сих пор с благоговением относимся к закладке первого камня, торжественному открытию новостроек, празднованию юбилеев памятников. И, конечно же, не в одиночку, ибо лишь коллективное соучастие, совместность придает сакральный, праведный и совершенный смысл подобным действиям.

При этом всякая культура в разные периоды развития приносит свое видение «*совершенного пути*», обнаруживая упрямую и неразрешимую диалектику «правды» – «кривды», парадоксальную альтернативную диалектику «прямого» – «круглого» пути к заветной цели.

Дорогу к Храму разместишь разве что на «дорожной карте» человеческого духовного бытия-исполнения, ибо как нарисовать нарицательное. Она и личностная тропа и общинное поприще, вот только не подлежащая эмпирике измерения и всяческой типологии. Ибо проходит она по «царству небесному, что внутри нас есть». Это истинное достояние культуры, но не цивилизации. Посему начало ее таится в первом акте человеческого выбора, а конец – в последнем его предпочтении. Так что нам, людям, не способным выйти из собственной сущности, попросту не дано узреть ее начало и конец. И слава богу, ибо всякий зачинает свою неповторимую стезю как продолжение (предшествование) всеобщего безначальноконечного пути.

1. Валери, П. Об искусстве / П. Валери. – М. : Искусство, 1976. – 317 с.

2. Кандилис, Ж. Статья архитектором / Ж. Кандилис. – М. : Стройиздат, 1979. – 272 с.

3. Судзуки, Д. Дзэн-Буддизм: Основы Дзэн-Буддизма. Практика Дзэн / Д. Судзуки, С. Кацуки ; пер. с англ. – Бишкек : Одиссей, 1993. – 672 с.

4. Тейяр де Шарден, П. Гимн Вселенной / П. Тейяр де Шарден // Утопия и утопическое мышление. – М. : Прогресс, 1991. – 405 с.

5. Хайдеггер, М. Истоки художественного творения / М. Хайдеггер // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. : трактаты, статьи, эссе. – М. : МГУ, 1987. – 510 с. – (Серия «Универсальная библиотека»).

6. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде ; пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. – М. : МГУ, 1994. – 144 с.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ТЕАТР В. КУРЬЯНА (НА ПРИМЕРЕ СОЧИНЕНИЙ ДЛЯ ЦИМБАЛ)

О. А. Немцева,

кандидат искусствоведения, заведующий кафедрой народно-инструментального творчества Белорусского государственного университета культуры и искусств

Во второй половине XX – начале XXI в. в художественной культуре заметно активизируются процессы, связанные с синтезом искусств, где особую популярность приобретает театрализация музыкально-инструментального творчества. Питая истоки в синкретических ритуалах древнего мира, инструментальный театр прошел длительный путь развития через находки средневекового народного театра, отдельные опусы венских классиков, новации симфонической музыки эпохи романтизма и окончательно сформировался в эпоху постмодернизма в творчестве Л. Берио, М. Кагеля, Дж. Кейджа, К. Штокхаузена и др.

В музыке белорусских композиторов первые опыты освоения отдельных элементов театрализации инструментально-исполнительского искусства приходится на середину 70-х гг. XX в., однако инструментальный театр как «жанр, совмещающий музыкальные и театральные приемы, направленные на выявление композиторской идеи» (В. Петров), широко распространился лишь в последнее десятилетие XX в. Т. Мдивани констатирует, что в рамках инструментального театра «был сделан новый шаг в сторону построения некой новой целостности, где узкопрофессиональное рациональное выступает условием для внутреннего преобразования в целях постижения истины, а также где рационально-музыкальное расширено за